

Только сейчас Янь Цун вспомнил, что в списке побочных заданий от Системы как раз значилось интервью для телевидения. Отказываться от такой возможности было глупо. Однако у него всё же оставались некоторые сомнения:

— Неужели дело уже закрыли? — спросил он. — И состав преступления определили?

Чжао Циншэн добродушно усмехнулся:

— А ты сообразительный, малец. Да, оба во всём сознались. К тому же этот парень оказался в розыске. Случай из ряда вон выходящий, отличный повод напомнить гражданам о бдительности. Когда из провинциального управления пришёл отчёт, делу сразу дали ход. Так что приговор вынесут быстро, а вот твоё интервью пустят в эфир чуть позже.

— Мы планируем выстроить репортаж вокруг судебного процесса, — добавила репортёр Цзинь Си. — Наша съёмочная группа будет вести дело с самого начала, а твоё выступление покажем уже после оглашения приговора. Лицо мы, разумеется, скроем, так что о безопасности можешь не беспокоиться.

Янь Цун на мгновение задумался.

— Меня прятать ни к чему, — качнул он головой. — Я ведь не совершил ничего постыдного. А вот ту девушку, пострадавшую, обязательно скройте. Сами понимаете, для неё лишняя огласка ни к чему, общество у нас к таким вещам жестоко.

Цзинь Си с теплотой улыбнулась и кивнула:

— Ты абсолютно прав, о ней мы позаботимся в первую очередь. Значит, договорились? Ты согласен на интервью?

— Конечно, — подтвердил мальчик. — В конце концов, я просто исполнил гражданский долг. Да и людям полезно напомнить: нельзя слепо верить всему, что говорят на улице. Если человек молит о помощи и его жизни угрожает опасность, нужно немедленно вызывать полицию, а не выслушивать оправдания похитителей. Раз уж я, подросток, это понимаю, то и взрослым пора бы усвоить. Глядишь, хоть чью-то жизнь спасём.

Слова мальчика заставили Цзинь Си искренне изумиться.

— Знаешь, ты рассуждаешь совсем не как ребёнок.

«Ещё бы, — мысленно усмехнулся Янь Цун. — Ведь я им и не являюсь».

— Тётушка Цзинь, вы хотите сказать, что я веду себя как старик? — невинно поинтересовался

он. — Уверяю вас, я ещё очень даже молод!

В кабинете раздался дружный хохот. Бай Цзиньчэн не выдержал, протянул руку и ласково взъерошил мальчишке волосы:

— Да кто же назовёт тебя старым? Вечно ты какую-то глупость сморозишь!

Янь Цун лишь улыбнулся в ответ и, расстегнув рюкзак, принялся доставать аккуратные пластиковые контейнеры.

— Вот, держи, — протянул он их Бай Цзиньчэну. — А то таскать их за спиной — то ещё удовольствие. Тяжёлые.

Три коробки хрустящих глазированных грецких орехов и полтора килограмма свежееобжаренных каштанов — ноша для хрупкого подростка и впрямь была нелёгкой. Заметив, как неуклюже Янь Цун пытается выудить контейнеры из глубин рюкзака, Бай Цзиньчэн просто забрал у него всю сумку целиком.

— Ты сегодня поедешь со мной, — тоном, не терпящим возражений, произнёс Бай Цзиньчэн. — Дедушка после тех каштанов только о тебе и талдычит, всё хочет познакомиться лично. Как раз второй дядя нас подбросит, раз уж приехал за тобой на машине.

Разумеется, Цзинь Си сопровождать их в семейную резиденцию клана Бай не планировала. Записав домашний адрес и телефон Янь Цуна, она вежливо попрощалась. Журналистка понимала, что для работы с несовершеннолетним необходимо получить официальное согласие опекунов, поэтому пообещала в ближайшие дни связаться с его матерью. Закончив с формальностями, она откланялась.

Устроившись на заднем сиденье служебного автомобиля Чжао Циншэна, Янь Цун тихо спросил:

— Дядюшка Чжао, а что делать, если мама будет против этого интервью?

— Если откажет, значит, у неё есть на то веские причины, — мягко ответил тот. — Ты ещё мал, должен слушаться родителей. Она ведь о твоей безопасности печётся.

Хотя сам Чжао Циншэн считал этот репортаж делом государственной важности, он прекрасно понимал чувства матери. Связываться с работниками — огромный риск. Кто знает, не захотят ли подельники отомстить слишком бдительному свидетелю?

Янь Цун нахмурился и со вздохом уставился в окно.

— Но мне так хочется, чтобы люди наконец открыли глаза. Перестали верить первому встречному на слово. Представляете, каково это — кричать изо всех сил, зная, что тебя никто не спасёт?

«Точно так же, как кричал я перед смертью в прошлой жизни, — отозвалось эхом в его груди. — Беспомощный, загнанный в угол, не способный издать ни звука. И самое страшное — я даже не знал, у кого просить пощады».

Чжао Циншэн сочувственно кивнул.

— Согласен. Именно эту мысль мы с телевидением и хотим донести до каждого. Нельзя полагаться на догадки, когда на кону человеческая жизнь. Твои слова золотые: правы люди или виноваты, пусть сначала разберётся полиция. И всё же постарайся понять свою маму. Её страх вполне обоснован.

— Я понимаю, — тихо ответил Янь Цун. — Но пусть я ещё не вырос, у меня есть собственное мнение. Я личность, способная думать и выбирать самостоятельно. Разве нет? Дядюшка Чжао, если мама упрётся, вы не могли бы поговорить с ней? Она вас до смерти боится.

Чжао Циншэн удивлённо приподнял бровь:

— С чего бы это ей меня бояться?

«С того, что на ней грехов по уши, — подумал про себя Янь Цун. — Любой преступник будет трястись перед заместителем начальника городского управления».

Но вслух он ответил гораздо проще:

— Ну как же. Перед властью всегда трепещут.

Чжао Циншэн покачал головой, не зная, смеяться ему или плакать:

— Тоже мне, нашёл «власть предержавшего». Ладно уж, если будешь стоять на своём, я замолвлю словечко. А на крайний случай попрошу Цзиньчэна обучить тебя паре приёмов самообороны. Чтобы всякая шваль даже подойти не смела.

Дедушка Бай Цзиньчэна, старейшина Бай Цзюньпин, в верхах был личностью легендарной. Однако в своей прошлой серой жизни Янь Цун держался в стороне от большой политики и светских новостей, поэтому имя старика казалось ему лишь смутно знакомым. Мало ли в стране однофамильцев? Для мальчика он оставался просто добродушным дедушкой — немного хромым, но удивительно крепким, с громогласным, молодым голосом и прямой спиной.

Поприветствовав гостя, старейшина Бай первым делом искренне поблагодарил Янь Цуна за спасение внука, а затем плавно перевёл разговор на недавнее происшествие с похитителями. Старик покачал головой:

— Если бы наша молодёжь росла такой же чуткой и смелой, как Сяо Цун, за будущее страны можно было бы не беспокоиться.

— И не говорите, — подхватил Чжао Циншэн. — Я с первой встречи твержу, что у парня прирождённый талант оперативника. Из него вышел бы великолепный следователь. Да только у нашего героя другие планы — спит и видит себя за кухонной плитой.

Старейшина Бай раскатисто расхохотался.

— Каждому своё, Циншэн! Да и с такими талантами он без куска хлеба точно не останется. Я сто лет не пробовал столь изумительных жареных каштанов. А глазированные орехи? Теперь понятно, почему мой внук только о них и грезил последние дни. Хрустящие, сладкие, но без приторности — тут тонкое чутьё нужно. Если в таком нежном возрасте он творит подобные чудеса, то при должном усердии звание шеф-повара у него уже в кармане.

Общество семьи Бай окутывало Янь Цуна небывалым теплом. Здесь не существовало привычной возрастной тирании: и старшие, и младшие общались на равных, выказывая искренний интерес друг к другу. Мальчик чувствовал, что его слушают и — главное — уважают его мнение.

В доме Цзянь о подобном не приходилось и мечтать. Как бы сладко ни пели И Сыцзя и Цзянь Нань, какими бы похвалами ни осыпали его и Цзянь Сэня, в их голосах неизменно сквозила снисходительная фальшь. Любой отказ они заворачивали в приторную обёртку «мы желаем тебе добра», а любое согласие звучало как царское «ну так и быть». Это не было открытой тиранией, но подспудное требование беспрекословного подчинения душило Янь Цуна.

Он прекрасно понимал причину своего отторжения. В прошлой жизни он безропотно сносил такое отношение, ведь считал их родными родителями. Теперь же, когда пелена спала и он доподлинно знал, что между ними нет ни капли общей крови — лишь невидимая пропасть взаимной неприязни и старых обид, — любая минута, проведённая в их обществе, превращалась в пытку.

Попрощавшись с хозяевами, Янь Цун категорически отказался от предложения Чжао Циншэна доставить его до самого дома. Он сошёл на автобусной остановке, но поехал вовсе не в спальный район, где жила семья Цзянь, а напрямик на центральный сельскохозяйственный рынок.

Запасы продуктов в его портативном пространстве заметно истощились, требовалось срочно пополнить закрома. Праздник Весны был не за горами, и мальчик твёрдо вознамерился устроить себе и своим подопечным по-настоящему сытый Новый год. Сбережения пока позволяли не экономить на каждой мелочи, хотя надолго их, конечно, не хватило бы. Первым

делом он направился к мясным рядам: нужно было набрать побольше сочных костей и мякоти — собаки заслужили праздничный пир не меньше, чем он сам.

Обойдя шумные торговые лавки, Янь Цун вернулся в квартиру Цзяней. Дома царила сонная тишина. На часах было всего половина одиннадцатого утра. Судя по календарю, у И Сыцзя сегодня намечался выходной, но она наверняка укатила на тайное свидание со своим ненаглядным биологическим сыном — Янь Сяном. А вот куда подевался Цзянь Сэнь? Одно было ясно наверняка: его исчезновение никоим образом не связано с учёбой.

Впрочем, остаться в одиночестве было даже приятно. Не теряя времени, Янь Цун заперся в комнате и мгновенно переместился в своё портативное пространство, чтобы поставить вариться огромные мозговые кости.

Четвёрка верных псов — И-Эр-Сань-Сы — давно переросла возраст забавных пушистых комочков. То ли целебный воздух пространства так влиял, то ли сытная жизнь, но собаки вымахали на диво крепкими, мускулистыми и превосходили размерами обычных дворняг с улицы. Аппетит у них тоже был богатырский: за один присест каждый пёс уплетал по целой миске корма. К счастью, в еде они были неприхотливы.

Купленные сегодня кости пошли в дело: часть Янь Цун отдал им на забаву — поточить зубы, а из остального мяса и наваристого бульона, смешанного с кукурузной мукой, замесил знатную сытную кашу. Оставлять лохматую гвардию голодной он не собирался. Однако кошелёк стремительно худел, и мальчик понимал: пора срочно искать стабильный источник дохода.

Самый очевидный способ заработать — торговля. Но что он мог предложить покупателям? Да, его личное пространство ломилось от редких деликатесов и экологически чистых продуктов, запасы которых восполнялись сами собой. Вот только четырнадцатилетний подросток, торгующий элитным сырьём в промышленных масштабах, неминуемо привлёк бы к себе ненужное внимание полиции. Это было тупиком. Деньги требовались позарез, а безопасных путей их получения не предвиделось.

Размышляя над этой дилеммой, Янь Цун машинально плёл корзину из ивовых прутьев. Вдруг тишину квартиры разорвал резкий телефонный звонок. Мальчик поспешно выбрался из пространства и снял трубку. Звонила И Сыцзя.

— Эрбао, детка, я сегодня задержусь, — затараторила она. — Приготовь ужин сам, ладно? Только на себя и брата, на меня не рассчитывай.

На заднем плане послышался недовольный, капризный юношеский голосок. Пусть он ещё не огрубел от возраста, Янь Цун сразу узнал его владельца — Янь Сян.

«Кто бы сомневался, — горько усмехнулся про себя мальчик. — Побежала ублажать своего ненаглядного наследника. Мало того что родная кровь, так ещё и будущий золотой билет в высшее общество. Она вкладывала в него силы больше десяти лет и теперь спешит сорвать куш».

— Но брата нет дома, — возразил Янь Цун. — И я понятия не имею, куда он вымелся.

На том конце провода повисла тяжёлая пауза. Было слышно, как И Сыцзя недовольно цыкнула.

— А ты сам-то где пропадал?

— Я отвозил глазированные орехи для учителя Чжао Циншэна, он сам меня попросил. Потом мы ненадолго заехали к его наставнику — дедушке Бай. Меня не было всего около часа, но когда я вернулся, Цзянь Сэнь уже след простыл.

— Ну и чёрт с ним, — отмахнулась мать. — Сделай ужин и оставь его порцию в холодильнике. Захочет — разогреет. Главное, сам поешь нормально, не сиди голодным.

Положив трубку, Янь Цун лишь презрительно хмыкнул. Но не успел он дойти до своей комнаты, как входная дверь с грохотом распахнулась от сильного удара ноги.

В прихожую буквально ввалился бледный, растрёпанный Цзянь Сэнь. Следом за ним бесцеремонно зашли двое крепких парней, чей маргинальный вид не оставлял сомнений в их намерениях.

— Живее, придурок! Вытаскивай заначку, иначе я из тебя всю душу вытрясу! — рявкнул один из налётчиков, толкая Цзянь Сэня в спину.

Янь Цун замер на месте, мысленно закатив глаза. «Святые угодники, этот кретин вообще способен хоть день прожить без неприятностей?»

Заметив младшего брата, Цзянь Сэнь злобно зыркнул на него и сорвался на визг:

— Чего вылупился, малявка?! Свали отсюда к чёртовой матери!

Янь Цун с радостью бы последовал совету и убрался подальше, но прекрасно понимал, что уйти ему никто не позволит. И действительно: один из грабителей, завидев щуплого подростка, шагнул вперёд и грубо пихнул его в плечо.

— Так, шкет, не дёргайся. Живо неси всё ценное, что есть в доме, если жить охота! Иначе обоих прирежем!

Ситуация принимала скверный оборот. Физически Янь Цун не мог противостоять двум взрослым амбалам. Даже с учётом того, что Система гарантировала его безопасность, пользоваться портативным пространством на глазах у посторонних было строжайше запрещено. Да и рисковать шкурой ради никчёмного Цзянь Сэня он не собирался. Мальчик мгновенно состроил испуганную мину и заикающимся голосом лепетнул:

— Я... я правда ничего не знаю! Все деньги у мамы на карточке, а пин-код она мне никогда не говорила! Правда!

При упоминании о банковском счёте у налётчиков хищно заблестели глаза.

— А ну тащи сберкнижку, быстро! — приказал тот, что покрупнее. — А пароль твоя мамаша сама нам выложит, когда узнает, что её выродки у нас в заложниках!

Цзянь Сэнь мысленно исходил яростью, поливая младшего брата отборными ругательствами:

«Ну и дебил! Язык за зубами держать не умеешь?!»

Впрочем, страх за собственную шкуру быстро перевесил злость. Если эти типы уйдут несолоно хлебавши, его точно покалечат. А так — пусть этот мелкий сам ищет сберкнижку. Даже если деньги пропадут, виноват во всём окажется Янь Цун, и мать обвинит его, а не меня.

Поразительно, насколько гнилым нужно быть человеку, чтобы даже перед лицом смертельной опасности заботиться лишь о том, как бы переложить вину на другого.

Янь Цун, разумеется, и не думал искать никакие документы. Его главной целью был стационарный телефон на тумбочке у стены. Он прижал руки к груди, прерывисто дыша:

— Я... я могу позвонить маме... Она приедет и всё отдаст. Я правда не знаю, где она прячет ценности...

Бандиты переглянулись. По правде говоря, матерыми уголовниками они не были. Просто прослышали, что в этой квартире водятся лёгкие деньги, а дома застать можно лишь беззащитную женщину да двоих недорослей. Когда подвернулся случай прижать придурковатого Цзянь Сэня на улице, они решили не упускать куш. Ложь испуганного ребёнка показалась им чистой монетой — вряд ли этот заморыш осмелится юлить прямо у них под носом.

— Валяй, звони, — процедил сквозь зубы один из них, хватая Янь Цуна за шиворот и толкая к телефону. — Но учти: только пикнешь лишнее — сразу прирежу!

Янь Цун, изображая крайнюю степень паники, дрожащими пальцами снял трубку. Набирая номер по памяти, он старался не смотреть на нависших над ним грабителей. Вот только звонил он вовсе не матери.

На том конце провода должен был ответить Чжао Циншэн — заместитель начальника городского управления полиции. И этот звонок обещал стать для незваных гостей очень неприятным сюрпризом.

<http://bllate.org/book/20137/2134230>